

МАТЕРИЯ И СОЗНАНИЕ

Мир по природе своей материален. Но возникает вопрос—а что такое человеческое сознание, не есть ли это нечто обособленное и независимое от материи, каково соотношение материи и сознания?

Ответ на этот вопрос дается вторым основным положением марксистского философского материализма. Товарищ Сталин пишет:

„В противоположность идеализму, утверждающему, что реально существует лишь наше сознание, что материальный мир, бытие, природа существует лишь в нашем сознании, в наших ощущениях, представлениях, понятиях,—марксистский философский материализм исходит из того, что материя, природа, бытие представляет объективную реальность, существующую вне и независимо от сознания, что материя первична, так как она является источником ощущений, представлений, сознания, а сознание вично, производно, так как оно является отображением материи, отображением бытия, что мышление есть продукт материи, достигшей в своем развитии высокой степени совершенства, а именно—продукт мозга, а мозг—орган мышления, что нельзя поэтому отделять мышление от материи, не желая впасть в грубую ошибку“¹⁾

Идеалисты считают, что как раз факт существования человеческого сознания опровергает материализм. Они утверждают, что человеческое сознание существует независимо от тела человека и от других вещей, сами вещи существуют только в человеческом сознании или в родственном ему „верховном разуме“.

Материалисты еще до Маркса доказывали, что сознание есть производное от материи, что сознание есть свойство материи. Особенно подробно разрабатывал эти доказательства французский материалист XVIII века Ламеттри (1709—1751 гг.). Будучи по профессии врачом, он делал наблюдения и над собственными заболеваниями и однажды обратил внимание на тот факт, что при заболевании организма происходят нарушения в деятельности человеческого сознания. Ламеттри сделал отсюда естественный вывод о том, что, значит, сознание человека связано не с бестелесной душой, о которой толковали попы и идеалисты, а с организмом человека. По утверждениям попов, бестелесная душа существует до рождения человека, сохраняется после смерти и разрушения организма, путешествует во время сна и т. д., короче говоря, независима от организма, так что тело является только временной „квартирой“ для души. Но тогда болезни организма не должны были

бы отражаться на сознании. Между тем нарушения в работе организма вызывают изменения в области сознания—подавленное состояние сознания, ослабление деятельности сознания, бред, потерю сознания и т. д. Значит нет в человеке никакой бестелесной души, человек не раздвоенное, а единое оущество, человек—это человеческий организм.

В своей работе „Человек—машина“ (1747 г.) Ламеттри приводит, кроме этого, еще ряд доводов. Если лишить человека пищи, то это должно рано или поздно оказать свое влияние на сознание и вызвать нарушения в его деятельности. Сознание человека, выпившего вина, претерпевает изменения.

Как врач, Ламеттри располагал данными анатомии и обращал внимание на различия в строении мозга человека и животных, связывая именно с этим различие человеческого интеллекта и интеллекта животных.

Все эти доводы Ламеттри обобщал выводом о том, что сознание есть свойство материи.

Утверждая, что сознание есть свойство материи, лямарксовские материалисты, как метафизики, не могли решить вопрос о происхождении сознания. Одни из них вообще не задавались этим вопросом, а другие решали его так, что сознание есть вечное свойство материи. Материалист XVII века Спиноза (1632—1677 гг.) считал, что все вещи наделены мышлением, но только в разной степени. Ламеттри также считал сознание присущим всему, но только не в виде мышления, а в виде чувствительности. По его мнению, мышление развивается из чувствительности, но чувствительность присуща всем вещам. „И камень чувствует“,—писал Дидро (1713—1784 гг.), выражая подобный взгляд.

Как пытались обосновать такие утверждения?

Дидро делает, например, такую попытку доказательства наличия чувствительности у камня. Хотите, я ожиглю мраморную статуэтку?—спрашивает он у собеседника.—Разобьем ее, растолчем в порошок и бросим в землю. Порошок сыграет роль удобрительного средства. Вырастающая на земле трава своими корнями впитывает какие-то частицы статуэтки, корова съест траву, человек напьется молока, и, пройдя такой путь, частицы мрамора попадут в организм человека и войдут в состав тех или иных его тканей. Бесчувственный, казалось бы, мрамор станет проявлять признаки чувствительности. Возможно ли бы это было, не будь мрамор сам по себе наделен чувствительностью, только не деятельной, а инертной, не проявляющейся?

Дидро считает это невозможным и делает вывод о том, что вещам неорганической природы присуща чувствительность, но в инертной форме.

Позднейшие сторонники того взгляда, что все наделено чувствительностью, пытались опереться еще на такой аргумент. Бросим в подвал пару мышей—самца и самку—и оставим для них мешок муки. Подвал устроен так, что мыши не могут проникать в него снаружи или выбираться из подвала. Через некоторое время муки в мешке не останется. Куда она денется? Она пойдет на питание мышам, которых вместо одной пары расплодится множество. Как можно утверждать,—спрашивают авторы этого рассуждения,—что мука лишена чувствительности, если мыши, выросшие за счет усвоения этой муки, наделены чувствительностью. Разве могла бы мука, лишенная чувствительности, преобрести чувствительность, „перевоплотившись“ в мышинные тела?

Все эти доводы основаны на метафизическом подходе к решению вопроса. Спиноза не мог допустить, чтобы мышление появлялось на определенной ступени развития материи, Ламеттри и Дидро не могли допустить, чтобы чувствительность была присуща только части тел. Как метафизики, все они считали материю неизменной и поэтому думали, что если сознание существует, то оно должно было существовать вечно, ибо как бы у материи могло появиться новое свойство. Если материя лишена развития, то новое свойство могло появиться только при содействии сверхестественной силы, могло быть только приданным извне свойством. Отрицая бога, эти мыслители полагали, что объяснить материалистически существование сознания можно лишь при допущении вечности и всеобщей распространенности сознания.

Марксистский философский материализм, пропитанный диалектикой, не видит ничего удивительного в появлении новых качеств

и новых свойств в процессе развития материи. Развитие не есть простое видоизменение старого, а характеризуется единством количественных и качественных изменений. Сознание есть свойство особым образом организованной материи, появляющейся и существующей при определенных условиях. Если же рассуждать по методу Спинозы и Дидро, то придется все черты живого мира и даже все черты человека распространить на все без исключения вещи. Тогда нужно сказать, что и камни способны размножаться, так как если способность размножения существует, то она существует вечно, ибо как бы могло появиться новое свойство и т. д.

Установив порочность основного мотива приведенной аргументации метафизических материалистов, рассмотрим их ссылки на опыт. Во всех изложенных нами доводах фигурирует отрицание качественных переходов, качественных преобразований. Минеральные вещества и части умерщвленных животных и растений, или их плоды, переработанные для употребления в пищу, такие, как мясо убитых животных, мука и т. п. лишены чувствительности, но когда они поглощаются и ассимилируются живыми существами, то они качественно преобразуются. Нет ничего удивительного в том, что мыши, взращенные на муке, наделены чувствительностью, тогда как мука ее лишена. Ведь если разрезать мышью, то из нее мука не посыплется. Препарируя мышью, мы увидим другое—мясо, кровь, мозг и нервы. Для того, чтобы мука, съеденная мышами, как-то обрела сознание, она должна перестать быть собою.

Марксистская философия, продолжая старую материалистическую традицию, рассматривает сознание как свойство материи, но в отличие от прежних материалистов добавляет, что сознание есть свойство особым образом организованной материи.

1) Сталин. „Вопросы ленинизма“, 11 изд., стр. 542.

МАТЕРИЯ И СОЗНАНИЕ

(Продолжение. Начало см. в газ. „За сталинский урожай“ от 18 июля 1940 года).

II

Что же представляет собой та материя, свойством которой является сознание? Как исторически развивалось сознание?

Чувствительность, которую Ламеттри и Дидро считали свойством всех вещей, на самом деле возникает только на той ступени развития материи, когда появляются живые существа. Раздражимость, элементарная чувствительность — есть свойство, появляющееся с возникновением жизни. Вместе с обменом веществ, с размножением и ростом, она является одним из признаков жизни. Без раздражимости невозможны были бы действия живых существ, необходимые для поглощения находящихся в окружающей среде питательных веществ.

У животных чувствительность принимает форму ощущений. В элементарной форме ощущения имеют место еще у животных, лишенных нервного аппарата, т. е. обладающих более примитивной организацией, чем дождевые черви.

Первичным видом ощущений явилось осязание. У насекомых и ракообразных наблюдаются уже специализированные и обособленные органы чувств. Дальнейшее развитие органов чувств шло по линии все большего обособления, специализации и совершенствования их.

Поведение низших животных всецело определяется инстинктами и не включает в себя сознательной ориентировки в окружающем мире. У высших животных — собак, кошек, лошадей, обезьян и др. — появляются зачатки рассудочной деятельности. Однако вполне сознательный, осмысленный характер имеет только деятельность человека.

Сознание человека не исчерпывается чувственными образами — ощущениями и представлениями. Помимо того, что сами человеческие ощущения имеют черты, отличающие их от ощущений животных, особенностью человека является мышление. Оно развивалось параллельно с речью в процессе труда, который и сделал человека человеком.

В чем различие между ощущением и мышлением и каково их соотношение?

Ощущение есть непосредственное, а мышление — опосредованное, как выражаются философы, отражение действительности. Ленин определял ощущение как „превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания“²⁾ Ощущение есть орудие живого созерцания вещей в процессе практического соприкосновения с ними и воздействия на них. Мышление имеет опосредованный характер. Между ним и вещами стоит ощущение,

которое является непосредственным источником для мышления. Мышление исходит из данных чувственного опыта, обобщая эти данные и выражая свои обобщения при помощи слов.

Как мышление обобщает данные чувства? Что дает мышление и что дает чувство?

Чувство дает сведения о многообразии единичных явлений, а также и об их внешнем сходстве или несходстве, об их внешних связях. Но только мышление улавливает и вскрывает кроющиеся в явлениях законы. Есть анекдот, рассказывающий о том, что упавшее яблоко навело великого английского ученого Ньютона на размышления о причинах падения тел, которые завершились открытием закона всемирного тяготения. Зерно истины в анекдоте состоит в том, что новые чувственного опыта являют перед мышлением вопросы, на которые мышление дает ответы на основе сопоставления, суммирования, обобщения этих данных, вскрывая сказывающиеся в наблюдаемых явлениях закономерности. Чувственное восприятие сообщает нам о многообразных фактах падения: созревшие и потерявшие связь с деревом плоды падают, сброшенный камень затем упадет и т. д. и т. д., но мы чувственно воспринимаем закон всемирного тяготения, не читаем его с помощью одних чувств. Закономерность может открыть только ретическое мышление на основе обобщения данных чувственного познания и проверки своих выводов с помощью практики.

Чувственное восприятие и мышление являются двумя различными, но неразрывными элементами человеческого сознания.

Сознание есть не только и не просто свойство особым образом организованной материи. Это — особое свойство особой материи. Его нельзя уподоблять другим процессам, происходящим в организме. Были так называемые вульгарные материалисты (например, немецкие мыслители, выступившие в середине XIX столетия, — Бюхнер, Фохт и Молешотт), которые полагали, что процесс мышления напоминает выделение желчи печенью. По их представлению, как печень выделяет желчь так и мозг выделяет особого рода сгустки вещества — мысли. Получается, что „сознание по своей природе — это та же самая ма-

²⁾ Ленин. Соч., т. XIII, стр. 41.

(Продол. см. на третьей странице).

МАТЕРИЯ И СОЗНАНИЕ

(Продолжение)

терия".³⁾ Это — грубое упрощение, вульгаризация материализма.

Основой процесса мышления является материальные процессы, происходящие в мозгу, но нельзя отождествлять сознание с материей. Наши мысли не есть части или „выделения“ мозгового вещества. Мозг и любые его части и частички расположены в пространстве и

имеют три измерения. Но мысли и ощущения не имеют ни длины, ни ширины, ни толщины (или высоты и глубины). Когда мы говорим: тонкая мысль, глубокая мысль, высокое побуждение, то ясно, что слова „тонкий“, „глубокий“, „высокий“ мы употребляем не в пространственном, а в другом, переносном смысле. Мышление есть продукт мозга не как

его материальное „выделение“, а как обратная сторона происходящих в нем чрезвычайно сложных материальных процессов.

³⁾ Так формулировал суть вульгарного материализма тов. Сталин в 1906 г. в своих статьях против анархистов, блестяще обосновывая и защищая диалектический материализм. См. книгу Л. Берня „К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье“, 4 изд. 1938 г., стр. 120. (Оконч. в след. номере).

МАТЕРИЯ И СОЗНАНИЕ

(Окончание. Нач. см. в нашей газ. от 18 и 23 июля 1940 года)

III

Мы выяснили, что сознание по происхождению своему и по природе своей есть свойство высокоорганизованной материи. Каково же содержание нашего сознания, каков источник этого содержания?

Источником содержания сознания является материальная действительность.

Марксистский философский материализм учит, что первой ступенью нашего познания являются ощущения, чувственное познание, а ощущение есть форма непосредственного отражения объективного мира.

Идеалисты видят источник содержания познания в самом сознании и рассматривают познание как свободное творчество сознания.

В XVII веке среди идеалистов имело широкое распространение учение о так называемых врожденных идеях. Сторонники этого учения утверждали, что чувства ничего не дают для истинного познания действительности, что они обманывают нас. Четырехугольная башня издали кажется круглой. Солнце кажется нам величиной с блюдечко, а наука говорит, что оно больше земли и т. п. Основываясь на такого рода доводах, идеалисты развенчивали чувства. Теоретическое мышление, по их мнению, черпает свой материал не из чувственного познания, а из самого разума, — оно должно исходить из „врожденных идей“, вложенных в нашу душу богом, и логически развивать их. Так чисто умозрительным путем, без всякой помощи чувственного опыта и независимо от него, можно построить научную картину мира.

Против учения о врожденных идеях выступили уже в XVII столетии материалисты Гоббс (1588—1679 гг.) и Локк (1632—1704 гг.). Гоббс писал, что если бы у людей были врожденные идеи, то они должны были бы присутствовать в человеческом сознании всегда. Но известно, что когда человек крепко спит, то он не имеет никаких идей. Если сознание может быть свободно от всяких идей, то, выходит, врожденных идей нет, — заключал Гоббс. Идеалисты считали первейшей врожденной идеей идею бога. Как мог человек, слабое, ограниченное существо, создать идею всезнающего и всемогущего бога? — спрашивали идеалисты. Нет, говорили они, люди сами не могли создать идею бога, это — врожденная идея, внушенная человеку самим богом. Гоббс опровергал такие рассуждения идеалистов. Люди могут образовывать идеи не только по аналогии, но и по контрасту с собой, на основе противопоставления себе, — говорил он. Слабые и ограниченные люди создали в интересах и утешения и утешения идею о всемогу-

щем и всезнающем существе.

Особенно подробно развивал критику учения о врожденных идеях Локк в своей книге „Опыты человеческого разума“, вышедшей двести пятьдесят лет назад (1690 г.). Из его доводов наиболее интересна ссылка на то, что маленькие дети не имеют никаких считавшихся врожденными идей, не имеют, в частности, идеи бога, которая внушается им взрослыми. Если люди не только во время сна, не просто часами, а годами не имеют тех или иных идей, то как можно считать эти идеи врожденными. Отрицая врожденные идеи, Локк заявлял: „Нет ничего в разуме, чего не было бы раньше в чувстве“.

Диалектический материализм отводит должное место в познании ощущению, как первой ступени познания. Ленин писал:

„Иначе, как через ощущения, мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем“.¹⁾

Однако вместе с тем марксистский философский материализм преодолевает крайность, свойственную большинству домарксовских материалистов, которые переоценивали роль чувства в познании и недооценивали роль теоретического мышления, не понимали того, что переход от ощущения к мышлению представляет собой качественный скачок. Нельзя согласиться ни с приведенным выше изречением Локка, ни с определением Фейербаха, который называл разум универсальным чувством. Между мышлением и чувственным познанием при всей их связанности есть качественное различие.

Не все идеалисты отрицали то, что источником познания является материальная действительность, путем противопоставления мышления ощущению и всяческого принижения чувства. Идеалисты типа Беркли и Юма, наоборот, сводили все знание к ощущениям, но отрывали ощущения от их материального источника, от вызывающих их вещей и не признавали существования вещей вне ума, вне ощущений. Достаточно надавить на глазное яблоко и видимый предмет раздвоится, рассуждал Э. Мах, делая вывод, что ощущения не могут считаться образами материальных вещей. По мнению махистов, ощущения есть единственная реальность и задача науки сводится к их описанию.

Конечно, при надавливании на глаз образ предмета раздваивается, бывает, что у некоторых двоится в глазах и без подобной операции, но отсюда не следует, что здоровые и нормально действующие человеческие чувства не отражают объективного мира.

Ощущения суть образы материальной действительности. Однако этого не следует понимать упрощенно. Так называемый „наивный реализм“, т. е. наивный, нефилософский материализм людей, не дошедших до научного мышления, упускает из виду различие между вещами и вызванными ими ощущениями, не задумывается над ним. Это неправильно. Когда я смотрю на стол и вижу стол, то это не значит, что у меня в мозгу появляется модель этого стола. У человека, осматривающего зверинец, не получается маленького зверинца в голове. Чувственное восприятие дает нам своеобразные копии вещей. Ленин определял ощущение как „субъективный образ объективного мира“.²⁾ Наша голова не переполнена моделями воспринимаемых нами вещей. Ощущения есть обратная сторона происходящих в мозгу сложных материальных процессов, дающая образы окружающих нас предметов. Ощущения так или иначе похожи на вещи, но не являются их уменьшенными моделями.

Чувственное познание есть отражение материальной действительности. Но и мышление, опирающееся на данные чувств и обобщающее их, так же представляет собой особое отражение объективной реальности, схватывающая существенные связи, закономерности явлений.

Сознание есть отображение материи, отображение бытия. И в фантазии человек не может абсолютно оторваться от действительности.

Даже идеалистические мышления имеют отдаленную связь с материальной действительностью. Они берут такое свойство материи как человеческое сознание, отрывают его от человеческого организма и от окружающих вещей и перестраивают действительные отношения „с ног“ „на голову“, объявляя сознание первичным, а материю чем-то вторичным и производным. Марксистский философский материализм разоблачает и ликвидирует это извращение.

Итак, о чем же говорит вторая черта марксистского философского материализма, рассмотренная нами в данной статье? Она говорит о том, что материя первична, а сознание вторично и является производным от материи. Сознание по происхождению и по природе своей есть свойство высокоорганизованной материи, а по содержанию своему есть отображение материи, отображение бытия.

А. ГАВРИЛОВ.

Кандидат философских наук.

1) Ленин. Соч., т. 13, стр. 247.

2) Ленин. Соч., т. 13, стр. 97.